

УДК 902/903

Ю.Б. Цетлин

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОНЧАРСТВА

С позиций историко-культурного исследовательского подхода рассматриваются современные представления о происхождении технологии гончарного производства. Показана несостоятельность широко распространенной «корзиночной» теории происхождения гончарства. Излагается и дополнительно обосновывается теория А.А. Бобринского о полицентризме происхождения гончарного производства и различных путях формирования гончарной технологии в разных районах Земного шара в зависимости от местных природно-климатических условий и хозяйственной деятельности древнего населения.

Ключевые слова: гончарство, технология, происхождение, полицентризм.

Вопрос о происхождении гончарства имеет в науке о человеке давнюю историю. Он неразрывно связан с вопросом о том, когда и как шло освоение человеком свойств глины и глиноподобных материалов для своих хозяйственных, ритуальных и других нужд.

Основой для формулирования первой научной гипотезы происхождения гончарства стали *этнографические данные*.

В 1503 г., вскоре после открытия Колумбом Америки, капитан торгового судна П. Гонневиль из портового города Онфлер, что на севере Франции в Нормандии, отплыл в Африку. Однако сильный шторм отбросил корабль далеко на запад, и в конечном счете он оказался у берегов Бразилии. Капитан был очень наблюдательным человеком. Знакомясь с жизнью местных племен, он обратил внимание, что жители для приготовления горячей пищи использовали не обычные глиняные горшки, а сосуды из дерева, которые были покрыты «особого рода глиной толщиной в добрый палец, предохраняющей их от действия огня».

Удивительные рассказы капитана Гонневилья попали на страницы Онфлерской хроники и были обнаружены примерно через 150 лет французским аббатом Антуаном Ив Гоке, который писал книгу «О происхождении законов, искусств и наук и их развитии у древних народов», изданную в 1758 г. Опираясь на данные Гонневилья, аббат Гоке высказал предположение, что гончарное искусство возникло из опыта обмазывания глиной деревянных сосудов, пока однажды люди не поняли, что можно делать сосуды только из одной глины [1].

Теорию «корзиночного» происхождения гончарства пропагандировали многие историки культуры – Л.Г. Морган, К. Штейнен, Ю. Липперт, Г. Шурц, К. Шугарт, В.К. Никольский и др. Их взгляды подтверждались лингвистическими данными. По мнению О.Н. Трубачева [2. С. 176], «главным достижением доисторического гончарства яв-

ляется тезис о происхождении гончарства из плетения. Первоначальное гончарство – разновидность плетения; стенка древнейшего сосуда родственна плетеной стене древнего жилища». Большинство археологов и сейчас поддерживают эту теорию.

Полное исследование того, как возникло гончарство, включает выяснение происхождения: 1) гончарной технологии, 2) форм глиняной посуды и 3) орнамента на сосудах. В данной статье я ограничусь рассмотрением современных взглядов на происхождение гончарной технологии.

В течение многих лет эта проблема исследовалась А.А. Бобринским [1. С. 3–6]. Для проверки «корзиночной» теории были предприняты опыты по обмазыванию твердых плетеных корзин чистой ожеженной глиной и глиной, смешанной с навозом. В обоих случаях после сушки в слое обмазки образовались многочисленные сквозные трещины. Позднее И.Н. Васильевой эти опыты были продолжены. Она использовала четыре мягкие корзины, сплетенные из стеблей рогоза. Первая была обмазана илом изнутри, вторая – глиной изнутри, третья – глиной снаружи и четвертая – глиной с обеих сторон. По мере высушивания на поверхности возникали трещины, наиболее значительные в четвертом случае, которые замазывались тем же материалом, из которого была сделана первоначальная обмазка. После высыхания все корзины были обожжены в кострище под слоем сухого навоза примерно в течение двух часов. Первая и вторая корзины сохранились полностью, и совершенно не имели наружных и внутренних трещин, а при постукивании издавали звон. Третья корзина сохранилась полностью но имела как поверхностные, так и сквозные трещины, а четвертая – полностью разрушилась во время обжига. В результате этого эксперимента была доказана принципиальная возможность обмазы-

вания илом или глиной мягких плетеных форм-емкостей с внутренней стороны [7. С. 429–431. Рис. 1–3].

Открытым оставался только вопрос, использовали ли в действительности древние гончары такие плетеные емкости для изготовления сосудов. Для ответа на него нужно было выяснить, имеются ли на древнейшей керамике, хотя бы в единичных случаях, следы таких корзин.

Объектом изучения стала раннеолитическая керамика различных археологических культур лесной и степной зоны, и в первую очередь древнейшая керамика Ближнего Востока (культуры Сотто и хассунская) и Дальнего Востока (осиповская культура). Хотя в общей сложности были исследованы черепки от нескольких сотен разных сосудов, ни в одном случае не удалось зафиксировать на внутренней или внешней поверхности глиняных сосудов следы каких-либо плетеных моделей. При раскопках телля Сотто в Ираке были отмечены отпечатки плетения на сосудах, изготовленных не из глины, а из гипса [8. Табл. 37], который, однако, не дает усадки при высыхании.

Грубые бороздчатые следы, сохранившиеся на множестве раннеолитических сосудов, при изучении под микроскопом оказались не следами плетеных моделей, а результатом заглаживания стенок сосудов специальными инструментами. Таким образом, изучение древнейшей керамики из разных районов Земного шара не подтвердило правильность «корзиночной» теории происхождения гончарства.

В связи с этим важно напомнить, что традиции работы с глиной как природным пластическим материалом намного древнее самого гончарного производства. Поэтому ко времени возникновения гончарства человек уже располагал богатым опытом использования глинистых материалов при строительстве жилищ, очагов и печей, при изготовлении предметов мелкой пластики в ритуальных целях.

В настоящее время можно считать доказанным, что традиции использования разных видов глинистого и глиноподобного сырья, как и традиции целенаправленного введения в формовочную массу различных искусственных примесей, сформировались в человеческих коллективах, обитавших в разных природно-климатических и хозяйственных условиях.

Судя по известным сегодня данным, раннеолитическая посуда изготавливалась, во-первых, из готовых природных материалов (различных илов или глин) без искусственных добавок, во-вторых, из специально приготовленной формо-

вочной массы с минеральными добавками (дресва, песок или шамот), в-третьих, также из специально приготовленной формовочной массы с органическими добавками (помет птиц или навоз животных). Рассмотрим эти три варианта.

Первый вариант: изготовление сосудов из готовых природных материалов. К таким материалам, прежде всего, относятся различные илы, которые, кроме глинистых частиц, содержат большое количество разнообразных органических остатков (главным образом, растительных и обломков раковин моллюсков) или минеральных включений (главным образом, естественный остроугольный или слабоокатанный песок). Районы распространения этой традиции приурочены в первую очередь к лесной и лесостепной зонам с умеренным, субтропическим и тропическим климатом, где имелось большое количество болот и повышенная влажность, а также к предгорным районам. Раннеолитическая керамика, изготовленная из различных илов, сейчас хорошо известна в разных регионах [9–11].

Сосуды, сделанные из илов с большим количеством естественной органики или большим количеством естественного песка, не могли применяться в условиях достаточно влажного климата без предварительного, хотя бы краткого, термического воздействия. Напомню, что минеральные примеси повышают огнестойкость сосудов, то есть способность переносить сильные колебания температуры, неизбежные при костровом обжиге.

Другим готовым к использованию материалом были *природные глины*, засоренные большим количеством минеральных включений. Такое сырье распространено главным образом в предгорных и горных районах и содержит, как правило, сложный по составу остроугольный песок, который легко перепутать с искусственной примесью дресвы, то есть дробленого камня. Сосуды из такой глины для их использования в быту также требуют целенаправленного обжига.

Второй вариант: изготовление сосудов из смеси природной глины и искусственных минеральных добавок. В раннем неолите керамика с искусственной примесью песка или дресвы была распространена достаточно широко в разных районах Земного шара. Формирование этих традиций, скорее всего, уходит своими корнями в традиции изготовления сосудов из природной глины, богатой естественными минеральными примесями, и связано с переселением гончаров из горных и предгорных районов в равнинные области, где такие глины были редкостью. Поэтому гончары бы-

ли вынуждены создавать искусственные формовочные массы, вводя в более чистую глину те минеральные компоненты, которые содержались в привычной для них глине в естественном состоянии. Как и в предыдущем случае, такие сосуды требовали целенаправленного обжига.

До последнего времени оставалось непонятным, как сформировалась традиция введения в формовочную массу примеси *шамота*, то есть дробленых черепков от старых сосудов. В литературе можно встретить мнение, что причиной использования шамота было стремление гончаров придать новым сосудам такую же прочность, которая была свойственна старым сосудам, или для того, чтобы подчеркнуть традиционную связь нынешних гончаров со своими предшественниками [12. С. 74]. Если это мнение верно, то причина использования примеси шамота лежит не в производственной, а в ритуальной сфере.

Однако в последнее время были сделаны наблюдения, которые позволяют высказать и другое предположение. При изучении керамики одной из древнейших культур Дальнего Востока – осиповской, датируемой 13000–11000 л.н. в составе ее формовочной массы были зафиксированы в большом количестве (примерно в концентрации 1:2) остроугольные и слабоокатанные включения естественной примеси сланцевой глины. Эти включения внешне очень напоминают шамот, но отличаются от него очень чистым и слоистым глинистым составом. По своим свойствам такие включения сообщают формовочной массе примерно те же самые положительные качества, которые придает ей искусственные минеральные примеси, то есть повышают ее огнестойкость. Выявленные факты позволяют предположить, что при переселении древних гончаров из районов расположения залежей глиноподобного сырья с естественной примесью сланцевой глины в другие районы, где местные залежи такой примеси не имели, перед ними возникала задача самим создавать похожий состав формовочной массы, для чего они добавляли в нее, внешне очень похожие, измельченные обломки своих глиняных сосудов (то есть шамот).

В этом случае первые опыты по использованию гончарами примеси шамота отражали ту же самую тенденцию, которая была выявлена для минеральных примесей песка и дресвы и нацеленную на имитацию использовавшихся их предшественниками готовых составов природного пластичного сырья. Пока это предположение можно рассматривать только как достаточно вероятную гипотезу.

Третий вариант: изготовление сосудов из смеси глины и искусственных органических мате-

риалов. Судя по изученным материалам, наиболее широко в древности использовались в этом качестве *помет водоплавающих птиц и навоз жвачных животных*.

Использование в составе формовочной массы помета водоплавающих птиц характерно в раннем неолите исключительно для обществ с присваивающей экономикой. Напротив, применение навоза животных для этой цели свойственно обществам с производящей экономикой, то есть разного рода земледельцам и скотоводам. Это связано с тем, что они использовали для этого навоз домашних животных. Широкое применение этого материала человеком началось еще задолго до возникновения гончарства как особой сферы производственной деятельности. Это нашло отражение в строительстве конструкций из саманных блоков или кирпича, которое широко было распространено уже в донеолитическую эпоху в районах с жарких и сухим климатом.

Помет водоплавающих птиц в эпоху раннего неолита был вполне доступен для сбора главным образом в районах массовых гнездовий перелетных птиц (так называемых «птичьих базаров»). Хотя сегодня они представляют собой достаточно редкое явление, но еще в XIX в. путешественники описывали огромные птичьи базары на Средней Волге. Очень вероятно, что в древности такие базары существовали в весенний и осенний сезоны практически на всех водоемах средней полосы.

Введение в формовочную массу значительного количества птичьего помета вело, во-первых, к повышению ее пластичности, во-вторых, к сильной *самоцементации* глинистых частиц и, в-третьих, к уменьшению вредного влияния усадки глины при сушке и обжиге. Что касается термической обработки таких сосудов, то они допускали только низкотемпературный обжиг или обжиг в течение короткого времени при температурах кальцинации глины, то есть выше 650°C. Более длительный и интенсивный обжиг приводил к полному выгоранию органических материалов, что делало сосуды очень пористыми и непрочными, а это уже не позволяло эффективно использовать их в быту. В отдельных случаях по археологическим материалам раннего неолита удавалось фиксировать сосуды, которые испытали только так называемый «бытовой обжиг», то есть сосуды использовались для приготовления горячей пищи необожженными и только в процессе самого применения частично обжигались с внешней стороны.

По археологическим данным известно, что помет птиц использовался как во влажном, так и в сухом измельченном состоянии. Очень вероятно

предполагать, что применение его во влажном состоянии было более ранним, с одной стороны, потому что такое его состояние было изначальным, с другой – потому что отмеченные выше его положительные качества проявляются в таком состоянии наиболее сильно.

Начало использования в качестве компонента формовочной массы помета птиц, вероятно, было связано с переходом древних гончаров от применения богатых растительной органикой равнинных илов к созданию похожей искусственной смеси из глины и помета птиц. На это указывает и то, что равнинный ил уже сам по себе может содержать в значительном количестве помет водоплавающих птиц, гнездящихся на отмелях и в прибрежной полосе водоемов. Таким образом, создание формовочной массы из глины и помета, скорее всего, *имитировало* состав готового природного сырья, использовавшегося раньше для изготовления посуды.

Навоз животных. При формальном сходстве этого материала с описанным выше его практическое использование древними гончарами имело совершенно иную основу. Я уже упоминал, что навоз животных в сочетании с глиной активно применялся с очень раннего времени для строительства. Вероятно, именно тогда люди обратили внимание на важные свойства этого материала, прежде всего, на то, что глина в сочетании с большим количеством навоза обладает более высокой прочностью и устойчивостью к влаге, чем чистая глина. Это особенно было заметно в сезон интенсивных дождей, характерных для районов с жарким климатом.

Вероятно, первоначально смесь глины и навоза возникала естественным путем в местах пастбищ или содержания большого количества домашних животных, а также у водоемов, куда животные приходили на водопой. Этому способствовало широкое распространение природных глин и очень тонкий почвенный покров во многих районах Ближнего и Среднего Востока. Смешивание навоза с глиной происходило, скорее всего, преимущественно в дождливый период за счет многократного топтания большого числа животных на ограниченном участке.

Позднее навоз стал вводиться в глину специально, с целью получения того состояния, которое раньше возникало естественным образом.

Изучение керамики ранненеолитической культуры Сотто и хассунской культуры, распространенных на Ближнем Востоке, показало, что древние гончары широко использовали при составлении формовочной массы навоз как крупного, так и мелкого рогатого скота. Причем часто он приме-

нялся в очень значительной концентрации [13. С. 327–334; 14]. Эта керамика подвергалась кратковременному высокотемпературному обжигу, о чем свидетельствует трехслойность излома с резкой цветовой границей между поверхностными и центральными слоями черепка.

Следует также отметить, что именно в условиях достаточно жаркого климата и производящего хозяйства получило определенное развитие использование крупных сначала *необожженных*, а позднее и *обожженных* емкостей из глины и органических материалов, которые использовались как сосуды-хранилища для сухих продуктов. Приведу в качестве примера одно из древнейших сооружений такого рода, открытое Российской экспедицией в Ираке на телле Магзалия и относящееся к 7 тыс. до н.э. В первом (самом нижнем) строительном горизонте был зафиксирован «примитивный необожженный сосуд» в форме «усеченного конуса, высотой 65 см. Плоское дно расплющено, стенки толщиной 3–4 см деформированы при лепке. В придонной части четко прослежено круглое отверстие диаметром около 10 см... И сегодня емкости с такими отверстиями используют для хранения зерна. Сосуд нельзя было переносить» [8. С. 36]. Число таких примеров легко увеличить.

Таким образом, все рассмотренные факты указывают на то, что происхождение и начальное формирование гончарства шло разными путями в различных районах Земного шара в зависимости от местных природно-климатических факторов и хозяйственных условий населения, т.е. представляло собой *полицентрический* процесс. Несмотря на независимость друг от друга разных «очагов» возникновения гончарства, этот процесс подчинялся одной общей закономерности. Она состояла в том, что *сначала для изготовления сосудов мастера использовали готовые природные материалы, а позднее, когда эти материалы в силу тех или иных конкретно-исторических причин оказывались для них недоступными, предпринимали действия по искусственной их «имитации» путем введения в формовочную массу определенных минеральных или органических добавок, которые, с одной стороны, были внешне похожи на те, которые раньше содержались в природном сырье в готовом виде, а с другой – придавали новому глинистому сырью те физико-технические свойства, которыми характеризовалось их прежнее готовое природное сырье.*

Только позднее, хотя в рамках того же раннего неолита, гончарство стало практически повсе-

стным явлением в большинстве регионов Земного шара. Такое бурное его распространение и развитие существенно затрудняет изучение первых этапов и первых «очагов» формирования этого производства.

В последние десятилетия А.А. Бобринским на основании обобщения большого количества археологических, этнографических и экспериментальных данных о составах формовочных масс и приемах обжига посуды была предложена и обоснована новая теория, объясняющая процесс формирования и первоначального развития гончарной технологии [1; 10. С. 75–104].

Суть ее состоит в том, что процесс формирования и развития гончарства связан с постепенным освоением, с одной стороны, свойств глинистых материалов как пластичного сырья, а с другой стороны, приемов придания изделиям необходимой для использования в быту прочности и влагонепроницаемости. Развитие тех и других представлений древних гончаров проходит три последовательных состояния: *несформированное, частично-сформированное и полностью сформированное*.

В зависимости от степени развития этих представлений в ранней истории гончарства выделяются следующие виды производств: *догончарные, протогончарные, археогончарные. Неогончарные производства* характеризуют высокоразвитое состояние гончарной технологии и поэтому в данном контексте не рассматриваются.

Догончарные производства разделяются на две последовательные стадии. На *первой* стадии сосуды изготавливались из равнинных или горных илов сложного состава (то есть из глиноподобного сырья) или только из навоза животных. Первый случай широко известен по данным археологии, а второй – зафиксирован в этнографическом гончарстве Средней Азии [15. С. 76]. На этой стадии основное пластичное сырье использовалось без каких-либо твердых искусственных добавок и, как правило, без специальной термической обработки изделий. Для придания сосудам прочности и влагонепроницаемости использовались специальные органические растворы, которыми обрабатывались либо только поверхности сосудов, либо они вводились в формовочную массу для придания ей пластичного состояния. Следы таких растворов зафиксированы в формовочной массе, однако выяснить, что это были за растворы, пока не удалось. В виде отдельных реликтов такие приемы зафиксированы в этнографии, например обваривание поверхности сосудов специальным мучнистым раствором.

На *второй* стадии сосуды изготавливались из специально приготовленной формовочной массы,

состоявшей из смеси равнинных или горных илов, доля которых в ней составляла от 60 до 90%, и неглинистых материалов органического и/или минерального происхождения, добавленных в нее в объеме от 10 до 40%. Такие сосуды уже могли подвергаться специальной термической обработке при температурах каления глины (выше 650°C), которая была, однако, очень кратковременной – не более 5–7 минут после чего сосуды извлекались из огня. По мнению А.А. Бобринского, такое воздействие огня практически не имело производственного значения, а совершалось в обрядовых целях как средство своеобразного «очищения» сосудов, необходимого перед их использованием в быту [10. С. 101]. Следы такого термического воздействия фиксируются по изделиям из ожелезненного глиноподобного сырья в виде очень тонкого (менее 1 мм) осветленного слоя на обеих поверхностях сосудов. Основная часть излома при этом остается темной, а переход между осветленным и темным слоями излома имеет четкую границу. Следует отметить, что по приемам придания сосудам прочности и влагонепроницаемости между первой и второй стадиями нет явной границы. Сосуды, изготовленные из формовочной массы, характерной для первой стадии, могли подвергаться обрядовой термической обработке, а сосуды, относящиеся по своему составу ко второй стадии, пропитываться органическими растворами.

В рамках истории догончарных производств происходит постепенное разрушение *полностью сформированных* представлений о роли глиноподобного (илистого) и органического (навоз) пластичного сырья, когда они использовались как единственное сырье, и складывание *частично-сформированных* (смешанных) представлений, при которых оба этих вида сырья соединялись в одной формовочной массе. Такие представления о сырье сочетаются с *несформированными* представлениями древних мастеров о приемах придания сосудам прочности и влагонепроницаемости.

Протогончарные производства по степени развития представлений гончаров о пластичном сырье делятся на четыре стадии. Изделия *первой* и *второй* стадии характеризуется тем, что сосуды изготавливались из тех же самых составов, что и в догончарных производствах. Они только не делались из чистого навоза животных. На *третьей* стадии происходит переход от использования глиноподобного илистого сырья сначала к изготовлению сосудов из илистых глин, а затем из настоящих природных глин [16. С. 137–138]. В составе формовочной массы такое глинистое сырье-связка занимает меньше половины общего объема

(< 40%), а большую половину составляют искусственно введенные пластичные органические материалы (прежде всего, помет птиц, навоз животных, раковины с телом моллюска, шерсть животных и т.п.). *Четвертая* стадия развития характеризуется примерно равным соотношением в формовочной массе глинистого сырья и органических и/или минеральных искусственных добавок (по 40–60%).

Что касается термической обработки изделий, то в рамках протогончарных производств происходит постепенное освоение гончарами новых и развитие старых технологических приемов. Это проявляется сначала в применении режимов низкотемпературного обжига изделий (то есть менее 450–470°C) в условиях восстановительной или полувосстановительной среды с выдержкой при такой температуре от 30 минут и суток и более. Проведенные А.А. Бобринским специальные полевые эксперименты показали, что такой термический режим может создаваться в тех случаях, когда обжигаемые сосуды перекрыты достаточно толстым слоем золы [6]. Другая тенденция развития термической обработки сосудов состоит в постепенном повышении температуры до интервала 470–650°C, характеризующего переход к температурам каления глины, при которой сосуды выдерживаются от 8–12 до 30 минут. Обжиг ведется, как правило, в полувосстановительной или окислительной газовой среде с быстрым подъемом температуры, относительно короткой выдержкой при конечной температуре и быстрым падением ее после извлечения сосудов из обжигательного устройства. Такие сосуды имеют неполную прокаленность черепка и четкую двух- или трехслойность его излома.

Для протогончарных производств *первой* и *второй* стадий развития характерна та же тенденция, связанная с постепенным переходом от *полностью сформированных* представлений о роли глиноподобного сырья к частично-сформированному. Параллельно начинает развиваться противоположная тенденция, проявившаяся в использовании природных глин сначала в роли примеси-связки (*несформированное* состояние представлений), а затем в роли сырья-связки (*частично-сформированное* состояние представлений). Такие представления о сырье сочетаются с *частично-сформированным* состоянием представлений гончаров о приемах термической обработки сосудов.

В условиях догончарных и протогончарных производств изготавливалась почти исключительно *простая* посуда, предназначенная для бытовых и иных нужд населения.

Археогончарные производства керамики уже целиком базируются на использовании природных глин в качестве основного пластичного сырья. Доля их в формовочной массе составляет от 60 до 90%, а остальной объем (10–40%) занимают различные добавленные органические или минеральные примеси или и те и другие вместе. Формовочная масса такого состава использовалась для изготовления *простой, глазурованной и майоликовой* посуды.

Последовательные стадии развития представлений гончаров в рамках археогончарных производств проявляются в постепенном изменении режимов обжига. Так, *первая* стадия характеризуется относительно низкотемпературным обжигом (менее 650°C) и выдержкой при конечной температуре в течение 8–12 – 30 минут. Обычно такой обжиг связан с восстановительной или полувосстановительной средой в обжигательном устройстве. Для *второй* стадии характерен быстрый подъем температуры выше предела каления глины (более 650°C), такая же, как на предыдущей стадии, выдержка при этой температуре и быстрое последующее остывание изделий. Сосуды характеризуются неполной прокаленностью черепка и резкой границей между разными цветовыми слоями в изломе. *Третья* стадия предполагает ведение обжига при аналогичной температуре и выдержке, но с медленным подъемом температуры и медленным остыванием сосудов в обжигательном устройстве. Сосуды также имеют не полностью прокаленный черепок, но граница между разными цветовыми слоями в изломе не четкая, а размытая, то есть наблюдается постепенный переход от осветленных поверхностных участков к более темной или темно-серой сердцевине. Для *четвертой* стадии характерен тот же самый режим обжига при температурах каления глины, но изделия уже имеют полностью прокаленный (одинаково осветленный) черепок. Важно подчеркнуть, что на второй, третьей и четвертой стадиях обжиг уже ведется в большинстве случаев в окислительной газовой среде.

Археогончарные производства отражают *частично сформированные* представления древних гончаров о глине как сырье для изготовления посуды и о приемах термической обработки сосудов (стадии *первая–третья*). Только на *четвертой* стадии у них *полностью формируются* представления о приемах обжига сосудов, которые подтверждаются прокаленными черепками.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о происхождении и начальном развитии гончарства, можно отметить, что, *во-первых*, этот процесс имел *полицентрический* характер, то есть гончарство в

древнейшую эпоху многократно возникало в разных районах Земного шара, но потом эти следы были основательно скрыты последующим повсеместным распространением глиняной посуды; *во-вторых*, процесс формирования древнейшего гончарства шел не изолированно, а в тесной связи с другими сферами человеческой культуры, из которых были заимствованы многие традиции работы с пластичными видами природного сырья, которые потом получили распространение и дальнейшее развитие в сфере самого гончарного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Происхождение гончарства // Украинское гончарство. Кн. 1. Київ: Опішне, 1993. С. 39–55.
2. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
3. Бобринский А.А. Секреты древних гончаров // Наука и жизнь. 1981. № 10. С. 76–77.
4. Бобринский А.А. У истоков гончарного искусства // Природа. 1981. № 4. С. 118–119.
5. Бобринский А.А. О структуре и происхождении гончарной технологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков. 1997. Т. 1. С. 90–96.
6. Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 413–421.
7. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 426–439.
8. Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
9. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 193–217.
10. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара, 1999. С. 5–109.
11. Цетлин Ю.Б. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних обществ: Материалы научной конференции. Йошкар-Ола, 2007. С. 197–208.
12. Иорданский В.Б. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. М., 1991.
13. Бобринский А.А. Технологическая характеристика керамики тель Сотто и Кюльтепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989. С. 327–334.
14. Tsetlin Y.B. Organic temper in ancient ceramics // Ceramic in the Society. Proceedings of the 6th European Meeting on Ancient Ceramics. Fribourg, Switzerland 3-6 October 2001. Fribourg. 2003. P. 289–310.
15. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Труды института этнографии. Новая серия. М.; Л. 1959. Т. XLII.
16. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара. 2010. С. 135–154.